

**ВЛИЯНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА НА СОЦИАЛЬНУЮ
МОДЕРНИЗАЦИЮ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

© 2011 А.В. Беседовская

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 08.11.2010

В статье раскрывается процесс трансформации социально-политических отношений и формирования основ гражданского общества на Южном Урале в период перехода правительства к политике форсированной инкорпорации окраин в состав империи. Реализация реформ в южноуральском регионе осложнялась этноконфессиональными особенностями, однако инициативы общества и гибкая политика правительства обеспечили к началу XX века определенные успехи социальной модернизации. Ключевые слова: социальная модернизация, реформы местного управления, этноконфессиональный фактор, традиционная культура, гражданское общество.

1863 г. отмечен резким поворотом правительственного курса в отношении окраин России, в том числе на Южном Урале: если в предшествующий период правительство сохраняло многообразие социальных институтов и ограничивалось созданием коронной администрации для общего управления и обеспечения безопасности границ, то теперь был совершен переход к политике административной унификации, направленной на ускоренную интеграцию национальных окраин в состав империи. Основной причиной смены правительственного курса была модернизация, вступившая на Западе во второй половине XIX века в завершающую фазу. Внешнеполитический фактор, таким образом, стал одним из стимулов реформ 1860-70-х гг. Объективно меры, предпринимавшиеся правительством, были направлены на адаптацию населения к новым экономическим и гражданско-правовым отношениям и консолидацию общества как условия инкорпорации окраин в общее социально-политическое и экономическое пространство. Однако эти же модернизационные процессы способствовали росту национального самосознания, субъективизации этносов и появлению собственно национализма.

Отмена крепостного права положила начало формированию качественно новых представительных институтов власти в лице земств и городских дум, основанных на нормах буржуазного права. На Южном Урале реформирование местного управления осложнялось устойчивостью национальных традиционных форм социально-экономической организации и медленной интеграцией различных групп населения в сис-

*Беседовская Анна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.
E-mail: mari-medvede@yandex.ru*

тему общегражданских отношений. Поэтому проводившаяся правительством унификация в территориальном и сословном управлении сочеталась с сохранением некоторых особенностей сложившихся форм самоорганизации населения, на которые опиралось правительство для обеспечения целостности Российского государства.

Основой общественного устройства в сельской местности стала волость. В Оренбургской и Уфимской губерниях проживало «разноплеменное» и «разнохарактерное» население,¹ сохранявшее к моменту проведения реформ традиционные отношения. Община могла быть полиэтничным образованием как на уровне волости, так и на уровне сельского общества, что было связано с процессом колонизации края. На Южном Урале по соседству расселялись русские, башкиры, татары, мордва, чуваша, калмыки. По данным статистики, в 1866 г. в с. Бакалка Оренбургского уезда, например, проживало 890 русских и 518 мордвин, в с. Ильинском Орского уезда – 446 русских и 430 мордвин, в дер. Васильевка – 464 чуваша и 222 мордвина, в с. Желтом (нынешний Саракташский район Оренбургской области) мордва проживала совместно с татарами.² Сравнительно легко в самоуправляющуюся общность объединялись представители одной религиозной конфессии. Во второй Усерганской волости Орского уезда, например, существовала башкиро-татарская деревня Зиянчурина, пришлый элемент которой составляли татары, записавшиеся во время проведения X-й ревизии «в башкиры» и пользовавшиеся наделами земли наравне с ними.³ Мусульмане предпочитали объединяться с представителями других народов на уровне волости. В крупных селениях с неоднородным этническим составом могло быть несколько общин. Так, в дер. Иштугалово Стер-

литамакского уезда башкиры, татары, русские жили тремя общинами, между которыми были поделены леса и пастбища.⁴

Наибольшей спецификой отличалась социальная организация башкир, составлявших в 1865 г. 47,6% населения Южного Урала.⁵ После присоединения Башкирии к России на ее территории стала формироваться волостная административная система, основанная на родоплеменном делении башкирского населения. Во главе волостей стояли старшины, которые отвечали за выполнение повинностей, производили раскладку платежей, продолжая выполнять и прежние функции предводителей традиционной родоплеменной организации. Волость делилась на более мелкие подразделения – тюбы, аймаки, которые являлись поземельными единицами.

Проводя политику территориально-административной унификации, правительство в 1863 г. отменило кантонное управление в Башкирии.⁶ Башкиры, мишари, тептяри были переведены в «гражданское ведомство» и, как «сельские обыватели», уравниены во всех правах с русскими крестьянами. Башкиры освобождались от военной службы и превращались в податное сословие. Их правовой статус стал регулироваться «Положением о башкирах»: 28 кантонов и 393 юрты были разделены на волостные и сельские общества, были учреждены сходы, волостные суды. Все общественные должности стали выборными.⁷ Однако сохранялись существенные особенности. Так, в отличие от русских крестьян, обязанных после реформы выкупить свои земельные наделы, за башкирами сохранялось право собственности на их вотчинные земли. Также было проведено бесплатное наделение земель их припущенников. С башкирских волостей не взималась оброчная подать. Землепользование внутри башкирских общин регулировалось на основе вотчинного права – системы обязательных правил, восходивших к нормам обычного права. «Положением о башкирах» отменялась подсудность общеуголовных дел только военным судам, все гражданские и некоторые уголовные дела разрешалось решать в общегражданских судах «по обычаям сего народа и шариату». Было законодательно закреплено функционирование обычного права башкир, и тем самым обусловлено его параллельное действие наряду с нормами шариата и российскими законами. В его сферу входили основные вопросы имущественной, а также внутренней жизни аула и волости, разрешение земельных споров, переделы пахотной земли и покосов, пользование пастбищами, лесными угодьями и водоемами, семейные разделы и наследование, условия выплаты калыма, порядок проведения общественных празднеств.⁸

Башкиры имели такие же права и обязанности по избранию должностных лиц местного самоуправления, но в их среде бытовало отношение к выборной должности как к тяжелой повинности, от которой обычно старались уклониться. Незнание русского языка порождало страх перед чиновниками, представленными в основном русскими. Даже в 1897 г. на долю представителей нерусских национальностей приходилось лишь 6,1% численного состава служащих различных учреждений. Административные власти могли сместить неудобных им избранников местной общины, хотя такие случаи не являлись правилом. Ведение делопроизводства на русском языке вносило дополнительные трудности в самоуправление «инородческого» населения. Справедливости ради следует отметить, что выборные лица из нерусского населения часто превышали власть, и бороться с ними однообщинникам было достаточно сложно.

Сохранение некоторых различий в организации самоуправления было связано не только с особенностями их истории, традиций и обычаев, но и с тем, что правительство, стремясь унифицировать административные порядки, тем не менее опасалось открытого проявления недовольства. В 1864 г. в переписке между администрацией Оренбургского генерал-губернатора и Военным министерством обращалось внимание на то, что среди башкир ходили упорные слухи о том, что Россия больше не нуждается в служилых башкирах, поэтому у них отнимут землю, введут рекрутскую повинность и обратят всех в христианство. Такого рода слухи, по сообщению генерал-губернатора А.П. Безака, распространяли «многие невежественные муллы, проникнутые религиозным фанатизмом», которые «уверяют своих единоверцев в счастье, какое их ожидает под владичеством Султана».⁹ Устойчивость слухов подтверждает тот факт, что в 1879 г. жители дер. Мусино отправили своих односельчан А. Уимбекова и К. Сулейманова к генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому, который «лично объявил доверенным, что распространенные среди доверителей их слухи не заслуживают никакого вероятия... и они могут самым положительным образом успокоить своих доверителей и пригласить их на будущее время относиться с полным недоверием к слухам подобного рода, считая их за вымысел людей недоброжелательных к ним».¹⁰

Этноконфессиональный фактор обусловил более позднюю реализацию земской 1864 г. реформы на Южном Урале в сравнении с центральными губерниями Российской империи: земские учреждения в Уфимской губернии были введены лишь в 1875 г., в Оренбургской – в 1913 г.

В 1867 году оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский распорядился создать

«особый комитет» для рассмотрения вопроса о введении земских учреждений в губерниях Южного Урала.¹¹

Комитет разработал «Проект изменений и дополнений законоположений о губернских и уездных земских учреждениях при введении сих учреждений в губерниях Оренбургского генерал-губернаторства».¹² Представленный проект оставил без изменения те статьи «Положения» о земских учреждениях, которые содержали определение круга деятельности, пределов компетенции земств, их правоотношений с административной властью, отчетности и ответственности. Он касался только порядка представительства в земских учреждениях, который следовало изменить с учетом «особых местных условий», т.е. структуры и состава населения. Комитет имел в виду башкир и казаков, составлявших значительную часть населения губерний Южного Урала и имевших особую социальную организацию и особое управление.

Первоначально проект предполагал участие башкир в выборах в земские учреждения на общих основаниях. Более того, предусматривались меры к тому, чтобы их интересы не были бы ущемлены крестьянскими сельскими обществами.¹³ Однако по мере обсуждения вопроса Комитет склонился к тому, что «в настоящее время есть основания исключить башкирское население из участия в земских учреждениях при введении их в губерниях Оренбургского края».¹⁴ Таких оснований оказалось несколько. Во-первых, значительная численность башкир привела бы к их преобладанию в составе гласных, что, с точки зрения Комитета, было нежелательным. Во-вторых, башкир нельзя было относить к землевладельцам, т.к. они владели землей общинно. В-третьих, избрание башкир от сельского населения привело бы к преобладанию мусульман: «Башкиры, как магометане, будут весьма плохими помощниками земству». А потому «следует исходить из правила, чтобы число гласных от башкир ни при каких обстоятельствах не превышало числа гласных прочего сельского населения».¹⁵ Несмотря на понимание того, что искусственное ограничение права башкир участвовать в выборах и быть представленными в земских органах могло произвести нежелательный эффект, большинство членов Комитета согласилось с приведенными доводами. Их поддержал и генерал-губернатор: «Не могут быть избраны в гласные люди, не владеющие русским языком, духовные магометанской веры, идолопоклонники».¹⁶ Правительство приняло во внимание соображения оренбургской администрации, и реализация реформы была отложена.

19 декабря 1868 г. дворянское собрание Уфимской губернии приняло постановление о

ходатайстве перед правительством о «скорейшем» открытии земств, указывая на «благотворительные» последствия их деятельности в других губерниях, а также на то, что реформа «не может встретить особенных местных затруднений».¹⁷ Государственный совет 2 мая 1874 г. постановил распространить «Положение» 1864 г. на Уфимскую губернию с изменениями и дополнениями, главным из которых было то, что «башкиры участвуют в сельских избирательных съездах на одинаковых с крестьянами всех других наименований основаниях».¹⁸

В 1875 г. в Уфимской губернии были созданы земства, однако их деятельность до конца 80-х гг. была малозаметной. Такое положение было обусловлено живучестью традиционных форм поведения, сохранением сословной замкнутости и корпоративности. Сословный и национально-конфессиональный состав земств на этапе становления этих органов самоуправления осложнял их деятельность. Большинство гласных принадлежали к дворянскому или купеческому сословию. В губернском земском собрании, например, 80% гласных составляли дворяне и 15% – купцы.¹⁹ Аналогичная ситуация сложилась в Уфимском уезде, где дворян было 50%, купцов – 14%. В других уездах социальный состав земств был более пестрым. Например, в Стерлитамакском уездном земском собрании большинство гласных представляли отставные офицеры (24%) и крестьяне (19%), в Белебеевском – крестьяне (28%) и башкиры (25%), в Бирском – башкиры (28%) и купцы (25%), в Златоустовском – крестьяне (25%) и башкиры (25%), в Мензелинском – крестьяне (35%) и башкиры (15%).²⁰ Мещане были в абсолютном меньшинстве в земских собраниях – 4% от общего числа гласных. Однако управы были достаточно однородными по сословному составу, преимущественно дворянскими.

Городская реформа в Оренбургской и Уфимской губерниях проводилась в то же время, что и в других губерниях России, в результате чего были созданы городские думы и управы в 1871–1874 гг.²¹ Этноконфессиональный фактор не оказывал сколько-нибудь заметного влияния на становление городского самоуправления, что объясняется особенностями южноуральских городов, где изначально формировалась полиэтничная экономическая и интеллектуальная элита. В отчете за 1885 г. оренбургский губернатор писал: «Ближайшее ознакомление с делами городских общественных управлений, образованных на началах положения 1870 г., привело меня к убеждению, что городское население вполне освоилось с новым порядком дарованного ему самоуправления, не встречая затруднений ни в выборе гласных, ни в защите своих прав».²²

Земские и городские органы самоуправления, несмотря на все сложности, в 70-80-е гг. XIX в. показали свою устойчивость и эффективность в плане выявления и реализации интересов значительной части населения. В течение этого периода формировался слой людей, готовых активно участвовать в общественном управлении. В 90-е гг. в большинстве из них обновился состав, накопленный опыт практической деятельности способствовал укреплению положения представительных институтов, росту их авторитета у местного населения. Усилив государственный контроль за организацией и деятельностью органов земского и городского общественного управления, правительство подавляло их стремление к участию в решении политических вопросов, однако поощряло хозяйственно-просветительскую деятельность. В среднем в 2 раза увеличились расходы городов на благоустройство, просветительскую деятельность.²³ Успехи уфимского земства представляются особенно впечатляющими: расходы на образование к концу XIX в. возросли в 10 раз, на медицину – в 13 раз, на ветеринарию – в 22 раза, на содействие экономическому благосостоянию населения – в 182 раза.²⁴ Под влиянием неурожая и голода 1891-1892 гг. работа земства заметно активизировалась: были проведены агрономические мероприятия, учрежден кустарный склад, в 1896 г. было создано статистическое бюро, стали регулярными съезды специалистов.²⁵

Однако следует отметить, что общество сохраняло свой сословный облик, уровень политической культуры населения оставался низким, новые социально-политические отношения закреплялись в сознании крестьян и горожан медленно. Земская деятельность в Уфимской губернии получила новый импульс в связи с обновлением состава гласных в 1897 г. Помимо И.Г. Жуковского и М.М. Останкова в ряды прогрессивно настроенных гласных вошли князь В.А. Кугушев, А.Н. Новиков, Н.П. Депрейс, С.П. Балахонцев, С.А. Джантюрин, Ш.Ш. Сыртланов, Л.П. Демидов. С 1900 г. в целом для Уфимского земства наступил период значительного подъема, усилилась роль губернского земства, большее влияние приобрел «третий элемент», отчасти рекрутированный из политических ссыльных. В 1897 году была избрана новая Губернская земская управа в составе А.В. Новикова (председатель), С.П. Балахонцева и князя В.А. Кугушева (члены управы), которые были активными участниками либерального движения (С.П. Балахонцев позднее стал членом конституционно-демократической партии). Именно в это время управа представила обстоятельный доклад о состоянии школ в Уфимской губернии, и по ее предложению собрание ходатайствовало о зай-

ме 150 тыс. руб. из страхового капитала для открытия 312 школ, поставила на обсуждение вопросы о съезде учителей, о создании межучастковых врачебных участков и фельдшерской школы. В 1903 г. земство приступило к систематическим мероприятиям по организации мелкого кредита. Таким образом, местное самоуправление успешно развивалось, удовлетворяя растущие потребности населения. В журнале по отчету о сенаторской ревизии в губерниях Оренбургского генерал-губернаторства тайного советника М.Е. Ковалевского было отмечено положительное влияние деятельности органов общественного управления на состояние местного хозяйства в Уфимской губернии.²⁶

С середины 90-х гг. XIX в. наблюдался подъем оппозиционных настроений в земстве, что нашло отражение в ряде его политических инициатив. В 1895 г., одновременно с всеподданнейшим адресом на имя Николая II, Уфимское губернское земское собрание направило в столицу ходатайство об отмене телесных наказаний.²⁷ В 1901 г. оно же единогласно приняло постановление ходатайствовать перед правительством об освобождении земских изданий от предварительной цензуры. В 1905 г., по предложению И.Г. Жуковского, собрание постановило направить министру внутренних дел представление о тенденциозной направленности «Уфимских губернских ведомостей» и ходатайствовать о разрешении издавать собственную газету.²⁸

Революционные события 1905 г. изменили институты самоуправления. В период выборов в Государственную Думу правительство вынуждено было опереться именно на самоуправленческие структуры. В качестве своих союзников оно рассматривало городские думы как более лояльные по отношению к верховной власти. Однако земства там, где они имели достаточное влияние и силу, как в Уфимской губернии, перехватили инициативу и провели весьма активную избирательную кампанию.

В Уфимской губернии вся выборная кампания, в отличие от Оренбургской, полностью сосредоточилась в руках наиболее активных представителей городского и земского общественного управления, а такие были во всех уездах. На организованных управами собраниях разъяснялись полномочия депутатов, обсуждались программы различных политических партий.²⁹ Единство думцев и земцев проявилось в том, что ими были приняты решения о представлении на обсуждение Государственной Думы вопросов об отмене всех чрезвычайных законов, действовавших на территории Уфимской губернии, о реформе городского и земского самоуправления, о введении всеобщего избирательного права. Ак-

тивная деятельность городских и земских органов самоуправления была вознаграждена: из десяти членов Государственной Думы, избранных от Уфимской губернии, девять были гласными, среди них – С.П. Балахонцев, П.П. Толстой, С. Д. Максютов, Ш.Ш. Сыртланов, Н.Т. Тевкелев.³⁰ В ходе выборов в Государственную Думу в 1906 г. проявилась консолидация мусульман. В Белебеевском уезде русские вообще не приходили на выборы, в то время как 95% мусульман, получивших право участвовать в выборах, реализовали его. В Мензелинском уезде среди выборщиков было 96 мусульман и 4 русских. Из десяти избранных кандидатов в члены Государственной Думы было пять мусульман, вошедших в мусульманскую фракцию.

После революции 1905-1907 гг. центр либеральной оппозиции переместился из земских рамок в партии, однако реализация практических задач по-прежнему могла осуществляться только через органы самоуправления. Это отразилось на личном составе земских гласных. Уфимское земство, по определению властей, было левым. Так, по справке Министерства внутренних дел, в 14 губерниях Европейской России на выборах в губернские земские собрания в 1909 г. из 563 гласных было избрано 234 правых (41,5%), 203 умеренных (36%), 136 левых (22,5%), а в Уфимской губернии из 28 гласных – 3 правых (10,7), 9 умеренных (32%), 16 левых (57%). На следующих выборах в 1912 г. число умеренных сократилось в три раза и составило 11% гласных, одновременно увеличился процент правых и левых до 21% и 68% соответственно, в то время как общие показатели по губерниям Европейской России остались практически неизменными.³¹ Подобная ситуация сложилась и в уездах Уфимской губернии, что видно из приведенной ниже таблицы. В уездные земства в 1912 г. было избрано 164 гласных. Из них правые составили меньшинство – всего 26,2% (43 чел.),

умеренные – 33,8% (55 чел.), левые – 40% (66 чел.).³² Таким образом, губернское земство оказалось более левым, чем уездные. Именно оно инициировало большую часть мероприятий, направленных на развитие экономики региона, системы образования и медицины.

Результаты выборов позволяют говорить о нескольких определившихся тенденциях в развитии институтов представительной власти, связанных с социально-экономическими процессами, протекавшими в стране в конце XIX – начале XX в. На Южном Урале эти процессы имели некоторое своеобразие. Во-первых, несмотря на усилия правительства сохранить доминирующие позиции дворянства в органах местного самоуправления, в пореформенный период шел естественный процесс его «вымывания». Так, на выборах 1912 г. в Уфимской губернии гласные от первого избирательного собрания составляли 55%, что было ниже среднего показателя по России на 13,9% (по 14 губерниям Европейской России землевладельцы составляли 68,9%). Удельный вес гласных от землевладельцев за двадцать лет, с 1890 г., сократился с 76% до 55%, т.е. на 21%, в то время как в среднем по России показатель снижения составлял 11,7%.³³

Во-вторых, в начале XX в. значительно большую активность на выборах проявляли крестьяне. Проблема недобора гласных от сельских обществ была практически ликвидирована. Причем сам ход выборов в крестьянских обществах отражал возросшую заинтересованность крестьян.³⁵ Несмотря на сословную замкнутость крестьянства, шел медленный процесс интеграции сельского населения в общегражданскую структуру общества, крестьянину стала вполне понятна идея выборности сельских властей не только в общине, но и в уезде, а после 1906 г. еще и идея о том, что верховная власть принадлежит народу и что эту власть они могут делегировать своим доверенным для управления на уездном, губернском или

Таблица 1. Состав гласных Уфимских уездных земств в 1912 г.³⁴

Уезд	Гласные от 1-го избирательного собрания				Гласные от 2-го избирательного собрания				Гласные от сельских обществ			
	Избрано	Принадлежность к полит. партиям			Избрано	Принадлежность к полит. партиям			Избрано	Принадлежность к полит. партиям		
		П	У	Л		П	У	Л		П	У	Л
Уфимский	23	3	9	11	5	-	-	5	12	-	10	2
Белебеевский	13	13	-	-	3	-	1	2	9	-	9	-
Бирский	18	7	3	8	3	2	-	1	9	9	-	-
Златоустовский	3	1	-	2	3	2	1	-	8	1	3	4
Мензелинский	20	-	6	14	3	-	2	1	10	2	2	6
Стерлитамакский	14	1	5	8	4	1	2	1	4	1	2	1
Всего по губернии	91	25	23	43	21	5	6	10	52	13	26	13

общегосударственном уровнях. Об этом говорят факты забаллотирования крестьянами кандидатов в гласные во время выборов, отказы поддерживать бывших гласных при выборах на новый срок, если они по тем или иным причинам их не устраивали. На «выборах соревновались между собою отдельные группы избирателей... на почве земских интересов... Избиратели подавали свой голос за земских деятелей самых противоположных политических убеждений, если можно было ожидать, что последние принесут пользу земскому хозяйству на местах».³⁶ В то же время устойчивые представления о том, что управление уездом, губернией, а тем более государством – это дело царя, его наместников, также находили отражение в политических пристрастиях крестьян.

В-третьих, к началу XX в. произошли существенные перемены на уровне национальных отношений, что также проявилось в ходе земских выборов. Возросла активность мусульманского населения. Если в первый период существования земств они были по преимуществу русскими, отмечалась разобщенность населения по этническому признаку, то в начале XX в. ситуация изменилась. По сведениям Министерства внутренних дел, в это время в Таврической и Уфимской губерниях стала обычным явлением «избирательная борьба на почве племенной розни».³⁷ На выборах 1912 г. в Белебеевском уезде из 18 гласных 11 были мусульманами, причем все они были умеренными и левыми. По мнению Министерства, такой «неудачный, как в вероисповедальном, так и в политическом отношении состав земского собрания явился следствием допущения Губернским Присутствием к участию в выборах уполномоченных членов родов Терегуловых, Дивеевых, Еникеевых, явившихся на съезде от одной только деревни Карагалы в значительном числе (до 100), благодаря чему уполномоченные от съезда, совместно с другими полноценовыми мусульманами и христианами левого направления заняли доминирующее положение, а правые отказались выставлять свою кандидатуру».³⁸ Результаты выборов были опротестованы Губернским по земским и городским делам присутствием на том основании, что внесенные в список мусульмане не были собственниками земли. Указом Сената выборы были отменены. На назначенных новых выборах отсутствие «магометан... ослабило силы левых избирателей. Поэтому в гласные были избраны 13 правых и один (магометанин, старый гласный, член Государственной Думы) левый Тевкелев, непосредственно после баллотирования отказавшийся от звания гласного» из-за правого большинства.³⁹ Консолидация мусульман проявилась уже в ходе выборов в Государственную Думу.⁴⁰

Если в первый период существования земств они были по преимуществу русскими, то в начале XX в. увеличилось число гласных, представлявших башкир и татар. Таким образом, «иностранцы» постепенно включались в общегражданские отношения.

В начале XX в., с одной стороны, стала совершенно очевидной трансформация сословно-корпоративной организации местного управления в сторону формирования общегражданского. Медленно, но неуклонно разрушались этноконфессиональные, сословные представления, способствовавшие разобщенности населения, на чем строилась правительственная политика, направленная на сохранение самодержавия. С другой стороны, рост национального самосознания усиливал социальную фрагментарность, что тормозило модернизацию российского общества в пореформенный период.

Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования Оренбургской области в рамках целевой программы «Развитие научно-технической и инновационной деятельности в Оренбургской области на 2006-2010 гг.».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.14093. Л.24.

² Федосова Н.В. Этническая история и культура оренбургских чувашей // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С.82.

³ Башшева М. Деревня Зиянчурина Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургского отдела РГО. Вып.7. Оренбург, 1895. С.6.

⁴ Бикбулатов Н.В. Община башкирская // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С.444.

⁵ Таблицы к сборнику, изданному Уфимским статистическим комитетом за 1856 и 1866 гг. Уфа, 1867. Табл.7.

⁶ ПСЗРИ. Собр.2. Т.38. №39490.

⁷ ПСЗРИ. Собр.2. Т.38. №40124.

⁸ ПСЗРИ. Собр.2. Т.38. №39490; №40124.

⁹ ГАОО. Ф.6. Оп.8. Д.189. Л.6.

¹⁰ Апракимова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побежников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003. С.332.

¹¹ ГАОО. Ф.10. Оп.9. Д.22. Л.18.

¹² ГАОО. Ф.10. Оп.9. Д.22. ЛЛ.26-37.

¹³ Там же. Л.4.

¹⁴ Там же. Л.38.

¹⁵ Там же. Л.64.

¹⁶ Там же. Л.74.

¹⁷ ГАОО. Ф.6. Оп.8. Д.165. Л.415.

¹⁸ ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп.1. Д.1024. Л.4.

¹⁹ ГАОО. Ф.6. Оп.8. Д.220. Л.99.

²⁰ Там же.

²¹ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.14269. Л.1-10; Д.14295. Л.1-17; Д.14310/2. Л.1-3; Д.14310. Л.1-5; Д.14396/17. Л.1-9; Д.14310/9. Л.1-5; Ф.6. Оп.8. Д.209. Л.43-113.

²² РГИА. Библиотека. Коллекция губернаторских отчетов. Оп.1. Д.62. Л.8.

²³ ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.14195. Л.10-60.

²⁴ Статистический сводный сборник постановлений

- Уфимского Губернского Земского Собрания 1875-1909 гг. Уфа, 1915. Т.1. С.208-209.
- ²⁵ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т.4. С.405.
- ²⁶ РГИА. Ф.1263. Оп.1. Д.4232. ЛЛ.2-7.
- ²⁷ Шаховской (С. Мирный). Адресы земств 1894-1895 и их политическая программа. Женева. 1896. Вып.1. С.10.
- ²⁸ Систематический сводный сборник постановлений Уфимского Губернского Земского Собрания 1875-1909 гг. Уфа, 1915. Т.3. С.743-747.
- ²⁹ Уфимские губернские ведомости. 30 марта. 1906.
- ³⁰ Отдел рукописей РНБ. Ф.1072. Т.9. Л.28.
- ³¹ РГИА. Ф.1288. Оп.2. Д.46. Л.2.
- ³² РГИА. Ф.1288. Оп.2. Д.46. Л.2.
- ³³ РГИА. Ф.1288. Оп.2. Д.46. Л.2; Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала 20 века. М., 1977. С. 80.
- ³⁴ Таблица составлена по данным: РГИА. Ф.1288. Оп.2. Д.46. Л.19. Примечание: П – правые, У – умеренные, Л – левые.
- ³⁵ РГИА. Ф.1288. Оп.6. Д.9. Л.36.
- ³⁶ РГИА. Ф.1288. Оп.2. Д.46. ЛЛ.23, 35-36.
- ³⁷ РГИА. Ф.1288. Оп.2. Д.46. Л.23.
- ³⁸ Там же. Л.35.
- ³⁹ РГИА. Ф.1288. Оп.2. Д.46. Л.36.
- ⁴⁰ Отдел рукописей РНБ. Ф.1072. Т.9. Л.28.

INFLUENCE OF THE ETHNO-CONFESSIONAL FACTOR ON SOCIAL MODERNIZATION OF SOUTH-EASTERN RUSSIA (SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY)

© 2011 A.V. Besedovskaya

Orenburg State Pedagogical University

The article covers the processes of transformation of socio-political relations and formation of the basis of a civil society in the Southern Ural region during the period when the government went over to the policy of accelerated incorporation of outlying regions into the empire. Realization of the reforms in the South Ural region was complicated by ethno-confessional factors; however, initiative of the public and flexible government policy ensured certain success in the process of social modernization by the beginning of the XX century.

Key words: social modernization, reforms of local self-government, ethno-confessional factor, traditional culture, civil society.